

Анатолий Головков

СИНКОПА

Анатолий Головков

Синкопа

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=41830751

ISBN 9785449644428

Аннотация

Даже когда автор называл песни текстами, мастера Москвы и Питера называли их стихами. А автора – поэтом. Это такие разные поэты, как Евгений Евтушенко, Булат Окуджава, Евгений Рейн. И тем не менее в «Синкопе» собраны не песни под гитару, а именно стихи, написанные в разные годы. То есть в судьбе автора. Поэтому в строчках слышится музыка – Анатолий Головков бывший трубач. Или движется картинка – он сценарист. А вольный воздух свободы – от детского желания летать. Хотя бы во сне.

Содержание

«Прошлое не награда...»	6
Немое кино	8
«Твой ангел перекурит во дворе...»	11
«Когда на шелковую нитку...»	12
«Дни мои, ржавые гвозди и строчки...»	13
«Стоит ладонью дотронуться лба...»	15
Из грузинского блокнота	17
Цхнети	17
Ущелье Марии	18
Атени	19
Тбилиси	21
Указ	22
8 Августа	23
«Дом с крылечком и вода...»	24
Аквамарин	26
«Мы так долго в сети танцевали...»	28
Lacrimosa	29
Милан	31
Из цикла «Акварели»	32
Сигулда	32
Ночью	33
Слепые	34
Князь Мещерский	35

«Если так суждено, что не выйду из боя...»	36
«Ночь клянется и не лечит...»	37
Провинциальный вальсок	39
Подземный переход	40
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Синкопа

Анатолий Головков

Дизайн Кирилл Васильев

Редактор Ирина Евса

© Анатолий Головков, 2019

ISBN 978-5-4496-4442-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

«Прошлое не награда...»

Прошлое не награда,
темная сторона,
колкая как опилки,
сон,
 западня,
 засада,
капля из винной бутылки,
выщеженной со дна.

В полуреальном мире,
стёртом в медь пятака,
помнит сама рука:
Зориным —
 три звонка,
а Рубинштейнам, —
 четыре.

Мне ничего не надо,
кроме камней и солнца,
гарусных вымпелов града,
звонницы под оконцем.
Можно щенячьим взглядом
их провожать, пока
тех, которые рядом,

не унесет река.

Пойма вечного лета,
скомканные берега.

Полдень,

пастель,

«Риголетто»

Немое кино

1.

Когда это с нами случилось?
Сомненье, давленье и смрад,
на августейшую милость
закручен лихой маскарад.

И маску накинув проворно,
наклеив усы на лицо,
повторно, повторно, повторно
снимали с гвоздя ружьецо.

Крутили в саду граммофоны,
но дым подбирался к глазам,
когда в кабаках солдафоны
потягивали нарзан.

Свобода речей и собраний,
листочков, газет, грабежей,
еще далеко до восстаний,
но близко до длинных ножей.

В Тифлисе школяр на коленях
усердно молитву творил.

Знаменье комет и затмений,
пугаясь, народ говорил.

Стреляли в монарха красиво,
точили штыки и клинки,
И пили легальное пиво
в Швейцарии большевики.

2.

Век прожит наотмашь, на вырост,
какой, не заметил никто.
Полковники в летнюю сырость
меняли шинель на пальто,

мятежную длили погоду,
прогулку с напалмом в Кабул,
живую посольскую водку,
кровавый гвардейский загул.

У них ничего не случилось.
И шансы, как гильзы, равны.
Кто загодя сдался на милость,
отпущены и прощены.

Случилось, случилось, случилось!
Пророка в отечестве нет.
Утопия не получилась,

оставлен последний завет,

непрочный, как мост под ногами,
он в памяти вечно храним
судьбой и двумя берегами,
где мы в ожиданье стоим.

«Твой ангел перекурит во дворе...»

Памяти Алексея Германа

Твой ангел перекурит во дворе,
вдохнет, переоформит документы,
в дымящемся, горбатым феврале,
не выдержав, взорвутся киноленты,

и полетят над Питером вослед
гармони, крепдешину, клочьям пара,
растает недописанный сюжет,
приблизится эскорт из Арканара.

Ему не ведомы ни зависть и ни страх,
не коронуют там уже, не строят плахи,
лишь над повозкою трепещет флаг
из лоскутов застиранной рубахи.

«Когда на шелковую нитку...»

Когда на шелковую нитку
нанизаны созвездья Шнитке,
и отражаются рекой,
звонят аккорды на запястье,
и лето, краткое как «здрасьте»,
и на душе один покой.
Там ты со всеми налегке,
пока не скрипнет кардиограф,
как будто ноты кто-то отнял,
и астра белая в руке...

«Дни мои, ржавые гвозди и строчки...»

Дни мои, ржавые гвозди и строчки,
кильки, обмылки,
брод водосточный
в железнодорожной воде,
далее и везде
расселены по дворам и общагам
в милой суконной дали,
по коридорам,
где приставляли
вместо ответа ножи.

Кружится стая в небесном овале,
выжившие стрижи.

Рыба речная с глазами Марии,
лучше б забыли,
чем наградили,
порознь легче, чем воедино,
думать, дышать, распрямляя спину.
В сырых сугробах, на Яблочный Спас ли, —
был ли ты счастлив?

Утро вернется трамвайным трезвоном,

привкусом
предгрозового озона,
для пересмешника и беглеца
сон не закончится и не прервется,
жажды и жди, ни глотка не найдется,
спички намокли,
цепное ведро
выдрано кем-то
из горла колодца.

«Стоит ладонью дотронуться лба...»

Стоит ладонью дотронуться лба,
сразу вдали заиграет труба,
словно пора в поднебесье.

Там где еще не наставили мин,
там где ты точно любовью храним,
и ни печали, ни вести.

Дрогнет стакан с недопитым вином,
хочешь, взмахни напоследок крылом
или веслом над водою.

Друга рука из руки ускользнет,
чья-нибудь тень на пороге мелькнет.
что же случилось с тобою?

Холст на подрамнике, рифма в струне,
но по привычке в родной стороне
стаю приветствуют стоя.

Чем дорожил и дрожал, не дыша,
всё, что за жизнь накопила душа, —
на голубом золотое.

Из грузинского блокнота

Цхнети

Нугзару Мгалоблишвили

Один, с лампадой, у мольберта,
и день, и год, и век подряд
кладешь на лед осколки света
и ешь с горчинкой виноград.

Вдали от славы и погони
полуприкаянный приют,
где лозы ластятся к ладоням
и до балкона достают.

Ущелье Марии

Подъем – и ступени глухие
уводят в заброшенный зал.
Сиони в ущелье Марии
мне старый грузин показал.

Алтарь в изголовии храма,
иголки лучей из бойниц,
причудливая панорама
святых из районных больниц.

Суровая серость и сырость,
ушедших веков толкотня.
Последняя божия милость,
последние проблески дня.

Атени

Как пламенеют георгины,
в кривом и узеньком дворе.
И дверь в просветах паутины
распахнута. И на горе
видна дорога до погоста,
куда покойника снесли.
Ореховый, непрочный остров
в раздорах неба и земли.

Там до сих пор земляк чугунный
пугает птиц и лошадей,
и с постамента ночью лунной
хрипит: уж я вас, б...й!,
Ему мерещатся измены,
подсчет последних голосов
на съезде, выстрелы, сирены
между надгробий и лесов.

Что до него моим соседям?
Сидят за струганным столом,
и дом усталый к их беседе
прислушивается с трудом.
И дольше солнца согревает
им душу юное вино.

На флейте девочка играет.

И всё уже предрешено.

Тбилиси

В городе и сумрачно, и гулко.
Из раскрытой двери на балкон
бьется над Метехским переулком
фортепиано звонкий обертон.

Времени срывает паутину,
возвращает прежнее житье,
желтое стекло бенедиктина,
черное молчание твое.

Но когда закончится соната,
грелка, чай в холодную кровать, —
между обретеньем и утратой
ничего не стоит вспоминать.

Указ

Спасите вино «Ахашени»!
Мне жаль и другие, но в нём
Сплетаются древние тени
И кровь наполняют огнем.

Не трогайте бочки в подвалах,
Не жгите плантаций, сосед!
На наших просторах немалых
Хватает несчастий и бед.

Не слышат. Все ближе морозы,
бледнеет зеленый наряд.
Сцепившись, последние лозы,
как перед расстрелом стоят.

8 Августа

Перекрестным дождем окропило обители разные,
до утра завывают ветра в водосточной трубе.

Ты спроси, что за этими ставнями празднуют,
загляни: может быть, поднесут и тебе.

Говорят, обмывают звезду да нашивку на кителе
за победу над тем, что тебе больше жизни родней, —
над редеющим кругом друзей, над портретом родителей,
над тобой, надо мной, над странною, уже не твоей.

Ищем странника посох, когда не хватает нам воздуха,
потому что никак не надышатся им палачи.
До других берегов можно морем, а можно и посуху,
только не суждено, хоть моли, хоть молчи, хоть кричи.

«Дом с крылечком и вода...»

Отцу

Дом с крылечком и вода
в зябкой луже у колодца
возвращают нас туда,
где не сразу узнаётся
санитарная беда.

Божьим снегом между рам
называли в блестках вату,
мама мыла рамы там
и носила хлеб солдатам.
Листья липли к сапогам.

Мама мыла раны вам,
тем, кто пуще злой неволи
в пулеметный ураган
ненавидел снег и поле,
дым с разлукой пополам.

Но зато, когда в ненастье,
с колбой, как из-под земли,
возникла мама Настя,
неразбавленное счастье

ВЫ ГЛОТАЛИ, КАК МОГЛИ.

Аквамарин

Кому Россия не чужбина,
но крест, молитва и слеза,
и под прицелом карабина
своей судьбе глядит в глаза.

Но лишь за то, что на восходе
сражался маленький отряд,
его к пожизненной свободе
приговорят, приговорят.

То крик привидится дельфиний,
то снов застывший стеарин.
Со мною свет спокойно-синий
и камень твой – аквамарин.

Кольцо трамвая, круг неволи,
больничный, сумрачный режим:
не дай вам Бог попасть на поле,
где мы под минами лежим.

Не дай вам Бог сойти с перрона,
когда прощались навсегда.
Замкнет тебя родная зона,
и провода, и провода.

На перевале, на погрузке,
под крик Савёловских ворон
ты не захочешь петь по-русски —
приговорен, приговорен.

«Мы так долго в сети танцевали...»

Мы так долго в сети танцевали,
на клинке ледяного ножа,
на чужом чердаке, сеновале,
сомневаясь, спеша и дрожа.

Ни фонарь на неверном перроне,
ни в окурках слепой водосток
даже слова о нас не проронят:
истекли и терпенье, и срок.

В глупом чате, в чаду, в укоризне,
приговор ожидаю любой:
не узнать тебя в следующей жизни
или встретиться снова с тобой.

Lacrimosa

Плачут ветры или дети. То ли скрип небесных сосен,
то ли ржавые качели их тревожат, бой часов.

Лифта сетчатые клетки застревают, ночь и осень
понемногу отдаляют переключку голосов.

Нас ведет полифония по спирали и по кругу,
за границу мутных стекол, на чужие этажи,
здесь когда-то пели птицы в приоткрытую фрамугу
и шептались аониды, а сегодня ни души.

Значит это не напрасно, для сомнений есть причины,
репетицией пожара здесь не ведает никто.

Я скажу тебе точнее, плачут взрослые мужчины,
если женщины уходят, позабыв надеть пальто.

Переждем, пока аккорды разрушают эти своды,
а в долинах грез и пауз равнодушна ртуть озер.
Время есть, покуда длится наша частная свобода,
отражаясь в зазеркалье, где стоят оркестр и хор.

Мы пойдем, а нам вдогонку «Lacrimosa dies illa»,
как единственная правда, как случайное кино.

Я любил тебя так больно, что завидуют могилы,
lacrimosa, lacrimosa, lacrimosa, lacrimo...

Милан

Передышка задумана наскоро:
так воруют черешню в саду.
Облака наползают на башни гор,
разрушаясь у нас на виду.

Ветер с моря так горек, и с нами нем!
Непонятливых гонит гостей.
Но чужим заслоняется знаменем
наш побег от плохих новостей.

Заварю тебе чаю зеленого,
ты рождественский свяжешь носок.
За калиткой, тобой отворенною,
открывается вид на восток.

Из цикла «Акварели»

Сигулда

Памяти Юриса Подниекса

Сигулда, почерневшие клены в измороси.
Дырявой байдаркой выберусь к твоим берегам.
Сигулда, пение иволги
коснется Гауи зеленоватых глаз.
Пройти сквозь туманы твоих хуторов,
и растаять в тебе, и исчезнуть;
и вновь прорасти зерном на поле,
бывшем ристалище,
где, так и не сдавшись,
умер последний лив.

Ночью

Ночью мне легко, ночью мне просторно.

И простить легко, и забыть легко, и умереть не больно,
только надо жить.

Ночью я свой, сам в себе, до рассвета, до первого
вздоха дня.

Без подвоха:

ночь – жизнь для меня.

Филином всевидящим сижу, кочегаром у печки
дремлющим.

Если мысль, как бормашина, сверлит мозг, скажи, она
стоит записи?

Ночь молчит.

До чего она кротка этой зимой. Как точка.

Дом ночью тих, уставшее животное, урчит вода
в артериях-трубах.

Он притаился, зажмурил глаза.

Лишь одним, недремлющим, озирает окрест.

Это мое око.

Это мое окно.

Сливаюсь с домом, его бессонный атом.

Гимн пою дому моему, всем сыновьям ночи,
всем тлеющим окнам,

за которыми – кто еще? Кто, кто, кто?

Слепые

Слепой идет через площадь.

Мир тростью обнимая, он выстукивает морзянку
в мир зрячих людей.

Новорожденный сын
протягивает руки к моему лицу,
он узнает меня подушечками пальцев.

Пускай не видит он дымы, а лучше зрит пустыню.

Но тем слепым, которые – всегда,
не кажется ли песок зеленым и голубой трава?

Воображение слепого, жизнь моя.

Князь Мещерский

Давно не топят в доме, тихо так,
что в колеях, где утром шла телега,
слышны движения воды и снега,
шаги кота, дыхание собак.

Что сделалось со мной, чему я рад?
К шинелям головой приник невинной?
Октябрьский на меня наслали ад,
где яблони с подгнившей сердцевиной.

И день-деньской из темноты углов
они выносят мебель деловито.
Я жив еще, и к отреченью не готов.
Но где же свита?

«Если так суждено, что не выйду из боя...»

Если так суждено, что не выйду из боя,
конь подо мною споткнётся, и буду сражен,
значит, меня на щите понесет над собою
Сорок Второй легион.

Мой легион со золотыми орлами чести и веры,
дай мне незрячему снова увидеть рыжую степь,
и распознать среди ветра топот химеры,
только ей за мной не успеть.

Мухи в ужасную рану мою окунут свои рыльца,
ради богов небесных я попрошу одного:
десять сестерций жене по утере кормильца,
детям гетер – ничего.

Рим не проронит слезы, только горечь латыни
имя добавит на мраморе мрачной стены,
а через век Трояну выплеснет Плиний
горечь гражданской войны.

«Ночь клянется и не лечит...»

Ночь клянется и не лечит.
Вот с горчинкою пирог
и с медовым духом свечи
принесли на наш порог.

На Пречистенке, в субботу,
под изгибом ржавых крыш
мы гуляем беззаботно.
Почему же ты молчишь,

подмечая отражение
в коченеющем окне,
как нагие наши тени
вальс танцуют на стене?

Как дрожит на бронзе пламя!
Догорая, этот свет,
дорогая, будет с нами,
словно проездной билет

в неизвестную картину,
меж комодом и столом,
где за рощей бледно-синей,
нам с тобой достроят дом.

Смерти нет, и даже слава
не продлит ее итог.
Не скучай, моя забава,
кушай с печенью пирог.

Провинциальный вальсок

То, что терпело, спасало, могло,
нынче стекает водой на стекло,
чертит ручьями магический знак,
в жажде не может забыться никак.

Вещей гармонии родной говорок,
дай нам еще дополнительный срок,
чтобы нутро не сжигал самогон,
и за стихи не бросали в дурдом.

Вот мошкара отсыревших страниц
Поит и кормит лягушек и птиц.
Грязный вагон, равнодушен и слеп.
Наших детей не родившихся рэп.

Подземный переход

В футляр не брошено ни цента,
и гулок переход, как храм.
Ты кубок Третьего концерта
даешь отпить его врагам,
и разбиваешь взмахом скрипки,
прижатой к бархатной щеке,
с нагой младенческой улыбкой,
непостижимо, налегке.

Зато уже гудит надсадно
бетховенский железный век
из-за кирпичного фасада

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.